

АНФИСА ВЛАДИМИРОВНА РОЖКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института филологии

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-3778-502X; rozchkova@mail.ru

СУБСТАНТИВНЫЕ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ С РОДИТЕЛЬНЫМ ПАДЕЖОМ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ГИМНОГРАФИИ

Аннотация. Исследование выполнено на материале оригинальных поэтико-литургических текстов, созданных в XI–XV веках. Научная новизна работы заключается в том, что впервые рассматриваются словосочетания с родительным падежом, функционирующие в древнерусских гимнографических текстах. В статье анализируются конструкции, соответствующие модели «существительное + существительное в родительном падеже». Наблюдения показывают, что именно такой тип сочетаний выступает как самый многочисленный среди сочетаний с приименными зависимыми падежами. Целью исследования является определение значений родительного падежа с опорой на лексико-семантический анализ компонентов сочетаний, а также установление соотносимых грамматических конструкций с другими падежными формами и с прилагательными. В ходе работы установлено восемь частных значений родительного падежа. В количественном отношении группы представлены неравномерно, явное преимущество принадлежит сочетаниям, в которых значение родительного определяется как метафорическое. Внутри каждой семантической области наблюдается разное соотношение параллельных грамматических конструкций. Наряду с присубстантивным родительным выступают сочетания с приименным дательным или с зависимым прилагательным. Границы других семантических зон включают в себя три соотносимые конструкции. В одних случаях параллельно с родительным падежом используются сочетания с дательным и местным падежами (например, при выражении объектного значения), в других – ряд соотносимых конструкций образуют сочетания с дательным и сочетания с зависимым прилагательным. Делается вывод о наличии таких семантических областей, в которых присубстантивный родительный служит единственным средством выражения значения.

Ключевые слова: гимнография, исторический синтаксис, словосочетание, управление, родительный падеж

Для цитирования: Рожкова А. В. Субстантивные словосочетания с родительным падежом в древнерусской гимнографии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 3. С. 48–54. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.600

ВВЕДЕНИЕ

Значения падежей, их реализация в разных типах словосочетаний и предложений долгое время остаются центральным объектом исследований в работах разных лет, освещавших грамматические особенности русского языка как на современном этапе, так и на диахроническом срезе. Длительное изучение родительного падежа позволило лингвистам определить его как падеж многозначный, хотя подобная многозначность подвергалась сомнению [17: 145]. Значения родительного падежа в древнерусских и старорусских памятниках описаны в коллективной монографии [14: 164–176], в исследованиях по историческому синтаксису В. И. Борковского¹, Т. П. Ломтева [4: 440, 474–477, 481, 482],

А. Н. Стеценко [15: 94–96]. Полученные результаты наблюдений позволяют очертить круг значений родительного падежа в приименных сочетаниях – это значения принадлежности, субъекта, объекта, меры и количества. Важными в свете обсуждаемой темы являются работы, посвященные синтаксису родительного падежа в старославянском языке [3: 183–203], [16: 124–147]. Свидетельствующие о непрерывной традиции изучения родительного падежа работы последних лет посвящены частным вопросам функционирования этих форм. Приименный родительный рассматривался в статье Л. А. Москалевой в аспекте сопоставления с дательным падежом, что позволило автору составить классификацию единых грамматических значений двух падежей

на материале славянских переводов Евангелий [7]. Более поздние в хронологическом плане тексты также становились материалом для анализа генитива. Так, Л. А. Огородникова, рассматривая художественные и публицистические тексты XVIII века, приходит к выводу о реализации всех возможных значений родительного падежа в приименных конструкциях, количества которых превышает глагольные сочетания [10].

Изучение средневековых гимнографических памятников началось еще в XIX веке с работы М. Г. Попруженко², посвященной фонетике и отчасти морфологии служебной Минеи 1095 года. Эти же аспекты затрагивались в немногочисленных исследованиях С. П. Обнорского³, В. М. Маркова [5], Е. М. Верещагина [1]. Лексическое, лексико-семантическое и лексико-словообразовательное варьирование списков минейных текстов изучала Н. А. Нечунаева [8], [9]. Отдельные виды синтаксических конструкций оригинальной русской гимнографии рассматривал автор данной статьи [11], [12].

В целом отметим, что структура и функции словосочетаний с родительным падежом, его значения не были предметом специального рассмотрения на славяно-русском гимнографическом материале, что актуализирует тему настоящего исследования. Базовым материалом для работы стали древнерусские гимнографические тексты, созданные в разное время. К ранним текстам относятся образцы XI–XII веков, посвященные первым русским святым: княгине Ольге, князю Владимиру, Борису и Глебу. Примерами следующего временного среза – середины XV века – являются две службы: на обретение мощей Сергия Радонежского и на обретение мощей митрополита Алексия. Анализ текстов проводится по рукописным источникам XI–XVI веков, а также по опубликованным документам⁴.

Объектом наблюдения выступают словосочетания с приименным генитивом. Методом сплошной выборки из текстов извлечены субстантивные словосочетания со всеми зависимыми падежами, из которых количественное преимущество принадлежит сочетаниям с генитивом (140 сочетаний). Исследователи отмечали, что конструкции «существительное + существительное в родительном падеже» являются самой многочисленной моделью среди субстантивных словосочетаний в современных славянских языках: русском, польском, чешском, сербохорватском [6: 49, 100, 189]. Такое наблюдение коррелирует с тезисом, сформулированным Р. О. Якобсоном, о свойствах генитива: присубстантивное употребление «является типичнейшим выражением этого падежа» [17: 149].

Исследование в предлагаемой статье фокусируется на перечне вопросов, которые связаны со значением родительного падежа, лексико-семантическим выражением компонентов в сочетаниях, их функционированием с учетом семантики и pragmatики жанра. Установление соотносимых грамматических конструкций из числа сочетаний с приименными падежами и с прилагательными – еще один аспект нашего исследования. Подобные параллельные синтаксические структуры изучались на примере старославянских памятников [3: 193–200], [16: 129–146].

Все рассматриваемые далее конструкции включают в себя определяемый и определяющий компоненты. В некоторых случаях определяющее состоит из нескольких знаменательных слов, которые обозначают воспеваемых святых, традиционные сакральные образы: *<жезль> бжсѧ дхѧ*⁵ (4: 90), *<славъ> Христъ бога* (1: 52 об.), *<память> штги бгом(д)рыа* (4: 88).

ЗНАЧЕНИЯ РОДИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА В СОСТАВЕ СУБСТАНТИВНЫХ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ

Последовательность анализируемых значений продиктована количественными показателями: от менее распространенных к многочисленным. Поскольку отдельные группы включают в себя большое количество примеров, то их объем будет проиллюстрирован частично.

Три случая беспредложного родительного отложительного зафиксированы в службе на обретение мощей митрополита Алексия: *бъдь свободж(д)енѣ* (6: 194 об.), *<испроси...> люты(x) же избавленїе и злы(x) юуж(д)енѣ* (6: 218). При лексическом разнообразии главных компонентов их объединяет общее значение «удаление от предмета в переносном смысле» [4: 262]. По наблюдению исследователей, в памятниках древнерусского языка именно этот оттенок родительного отложительного проявляется в «словосочетании с многочисленными глаголами (а также отглагольными существительными и причастиями)» [14: 152]. В исследуемых текстах такие сочетания скорее исключения на фоне более частотных прилагательных беспредложных и предложных конструкций с родительным отложительным: *скорбей дшевны(x) и телесны(x) и страсти свободы* (6: 190), *избавилъ юльсти* (3: 70). Нетрудно заметить, что в именных и глагольных сочетаниях сохраняется семантика главного и зависимого компонентов.

Родительный со значением **памяти** обнаружен тремя сочетаниями (без учета повторов):

память шлги бгом(д)рыа (4: 88), память <...> кназа Владимира (4: 93), память шбрътентъ <мо-щетъ> (6: 194 об., 195 об., 197 об.). Повторяющийся главный компонент дает основание считать такие образования устойчивыми, маркирующими важное сакральное событие. С данными сочетаниями соотносится единственная конструкция с зависимым дательным падежом: *память стлю Алексѣю чудотворцу* (6: 190 об.).

Родительный со значением «определение по наличию» [13: 64] обнаруживается в трех (без учета повторов) словосочетаниях: *къ рацъ моции* (1: 52 об.), *рацъ <...> тела* (4: 89), *к рацъ мощетъ* (6: 193, 198), *въ пребывалици пр(с)нонживщал* (6: 293 об.). Две первые конструкции с устойчивым лексическим составом представляют собой только один грамматический способ обозначения сакрального предмета, который является местом поклонения.

Родительный количества зафиксирован в следующих двенадцати сочетаниях:

за множеством прегрѣщеніи (4: 91), *невѣрныхъ полци* (2: 8), *преподобныхъ мъножество* (5: 106), *грѣховъ мнw(ж)ства* (6: 193), *мно(ж)ство моу(ч)никъ* (6: 293).

Наряду с последним сочетанием в одном из предложений обнаруживаются еще две конструкции, которые следует отнести в эту группу: *въ пребывалици пр(с)нонживщал вселился еси блжнне прп(д)бне нашъ Сер(г)е идѣже апостолъ соборъ и мно(ж)ство моу(ч)никъ и преподобны(x) собраніе* (6: 293). В таком контексте слова *соборъ* и *собраніе* получают значение «объединение, сообщество сакральных субъектов», хотя и без указания на количественный объем (*множество*, *большинство* и под.). Эти же слова встретились и при номинации совокупности верующих: *вѣрны(x) собори свѣтло празнвуть* (6: 199 об.), *вѣрны(x) же собраніа* (6: 295). Форма множественного числа подчеркивает совокупное множество представителей земной сферы.

Как видно из примеров с родительным количественным, наиболее востребованным является существительное *множество*, которое сочетается со словами негативной и положительной семантики. В то же время сложно в таком аспекте трактовать валентность слова *полкъ* в силу редкого употребления в субстантивно-генитивном сочетании, однако адъективные конструкции с этим существительным позволяют допустить его связь со словами, номинирующими негативные, враждебные силы и свойства: *бѣсовьскыя полки* (2: 7 об.), *вражи <...> полци* (2: 17 об.).

Передача количественного значения множественности происходит также за счет субстан-

тивно-атрибутивных конструкций с зависимым прилагательным *многъ*, функционирование которого ограничено сочетаниями с существительными темпоральной семантики: *ѡ многъ лѣть* (6: 184 об., 194, 198), *многа времена* (6: 202). Исключением является пример: *со инвки многыми* (6: 285 об.). В отношении последнего примера с некоторой долей осторожности можно объяснить выбор конструкции с прилагательным вместо субстантивно-генитивной. Вероятно, сказывается предложное управление, которое потребовало бы от существительного *множество* постановки в творительном падеже: **со множествомъ инвкъ / *со инвкъ множествомъ*. Однако нетрудно заметить, что в субстантивно-генитивных сочетаниях существительное *множество* используется только в именительном или винительном падежах (в любой позиции по отношению к зависимому компоненту). Это дает повод говорить о грамматической (в частности, падежной) стабильности главного компонента в конструкциях с зависимым генитивом.

Родительный субъекта обозначает действующее лицо, и семантика таких существительных эксплицирует сферы воспеваемых, верующих, враждебных сил. Стержневым компонентом в восемнадцати словосочетаниях выступают существительные, значение которых связано с действием или состоянием. Примеры демонстрируют лексическое разнообразие как главного, так и зависимого компонентов при незначительном повторении в отдельных сочетаниях:

поганыхъ <...> шатаніе (5: 103 об.), *мвченика тѣрпѣніе* (5: 73), *блескъ лица* (4: 92), *рабъ молѣбы* (4: 93), *молитвами страстотѣрпѣю <...> Бориса и Глѣба* (5: 103 об.), *явленіемъ <...> мощетъ* (6: 181 об.), *шатаніа вражъ* (6: 201), *плоти <...> движаніа* (6: 289), *стрѣями крові* (6: 292).

К синтаксическим соответствиям из числа субстантивно-атрибутивных сочетаний следует отнести пример с притяжательным прилагательным *вражсии*: *владычествия вражсія* (2: 17 об.), *о(m) плѣненїа вражсіа* (4: 90), *искошенїа вражсіа* (6: 293) (компонент субъектного значения может быть прояснен посредством трансформации: **враг владычествует, пленяет, искушает*). Замена прилагательного на генитив существительного в таких сочетаниях приводит к затмнению грамматического значения: **о(m) плѣненїа врага/врагъ, *искошенїа врага/врагъ*. В трансформируемых конструкциях реализуется объектное значение (пленить врага/врагов, искушать врага/врагов). Таким образом, более точным в грамматическом, а следовательно, и смысловом плане является

притяжательное прилагательное, что и продемонстрировано в трех конструкциях. Тяготение к зависимой адъективной форме обнаруживается и в сочетаниях *вътъ наваженія диявола* (5: 100 об), *блѣсцвѣскал шатаніа* (6: 295). Выбор однокоренного существительного в сочетании с генитивом *шатаніа врагъ*, вероятно, продиктован числовой формой зависимого существительного, актуализирующей множественность сторонников враждебных сил, в то время как прилагательные в эквивалентных сочетаниях номинируют общее свойство опредмеченных действий.

Родительный объекта выступает в словосочетаниях (общее количество без учета повторов – 21), в которых главное слово соотнесено с глаголом и заключает в себе значение процесса, действия, направленного на предмет или лицо: *оставленія грѣховъ* (4: 90), *пренесеніе телесе* (2: 7 об.), *въ съпасеніи душъ* (5: 100 об.). Многократный повтор словосочетаний характерен для выражения таких опредмеченных действий, как ‘оставление (отпущение) грехов’ и ‘принесение, обретение мощей, тела’.

В сочетаниях с объектным родительным определяемое существительное называет лицо святого или другого представителя высшей сакральной сферы, который выступает как деятель, способный влиять на христианское сообщество: *наказателю стадъ* (3: 71), *богопроповѣдника блгодати* (6: 183 об.), *свѣтилиниче <руськыя> земли* (6: 190 об.), *вселеніи <...> поборниче* (6: 286) и др. Девербативы, не имеющие суффиксов личного имени, также номинируют святого, наделяя его образной характеристикой, подчеркивающей его всеохватывающее, как правило, положительное, соизидающее воздействие на мир и его устройство: *земля <руськыя> удобреніе* (5: 72 об.), *въселенія наслаженіе* (5: 72 об.), *законъ <цѣковны(x)> оутве(р)женіе* (6: 184).

Соотносительными субстантивными конструкциями выступают сочетания с дательным падежом существительного. Сходство таких структур наблюдается прежде всего в группе сочетаний, имеющих в качестве стержневого компонента наименование лица: *людемъ водитель* (6: 289 об.), *инокомъ оутверженіе* (6: 201 об.) и под. Зачастую в состав конструкций входит одно и то же зависимое слово: *вѣты въздвизателю* (3: 70), *учитела вѣты* (6: 181 об.) – *схраннїка вѣтру* (2: 11 об.), *проповѣдника вѣтру* (3: 67 об.). Наблюдается полное лексическое тождество компонентов сочетания при варьирующейся зависимой падежной форме: *оставленія грѣховъ* (4: 90) – *вставленіа грѣхомъ* (4: 89). Лексически не одинаковые зависимые падежи выступают

при одном главном: *застоупника дѣль и телесъ* (2: 7 об.) – *застоупник(a) градоу нашемоу* (2: 18 об.), *людьмъ <...> застоупника* (5: 72 об.).

Номинация канонизированного лица посредством субстантивных сочетаний происходит также за счет предложных конструкций с зависимым местным или винительным падежом в объектном значении. Количество таких сочетаний незначительно и во многом уступает родительному объекта: *поборыника на врагы* (5: 73 об.), *помощника въ скорбехъ* (2: 18 об.), *въ напастехъ <...> оутышитель* (6: 202 об.).

Родительный принадлежности выступает в двадцати трех словосочетаниях (без учета повторов). В зависимости от лексико-семантического выражения компонентов конструкции могут быть разделены на несколько групп. Родительный называет лицо или совокупность лиц, а в роли стержневых слов выступают соматизмы и слова, обозначающие тело как объект почитания: *по(о) нози кнѣзъ* (2: 17), *лици кнѣзъ* (3: 71), *немоудры(x) ср(д)ца* (6: 197), *по стопамъ <...> Хѣ*, (6: 284), *мощи стѣл Алексѣа* (6: 199), *тѣло <...> стїтеля Алексѣа* (6: 202).

Родительный принадлежности номинирует сакральный образ, которому принадлежит какое-то качество или предмет: *жезлъ бжѣла дѣха* (4: 90), *славоу <...> в(m)ца* (6: 188 об.), *житїе <...> Алексѣа* (6: 193 об.).

Также посредством родительного принадлежности происходит именование лиц, связанных какими-либо отношениями (родственными, социальными, духовными) с другими участниками событий: *вѣрныхъ кнѣзъ* (3: 71), *матре кнѣзеси* (4: 88), *внукъ <...> Олгы* (3: 70 об.).

Наряду с зависимым родительным категория посессивности в анализируемых текстах имеет еще два способа выражения: сочетания с приименным дательным принадлежности и притяжательные прилагательные. Интересно отметить некоторые особенности в соотношении разных видов конструкций. Теоретически от каждого существительного (за исключением субстантивированного), выступающего в родительном падеже, можно образовать притяжательное прилагательное, и такие формы в текстах употребляются. Например, прилагательное *Христов* (*престолу хѣбу* (6: 195), *хѣбу законъ* (4: 89) и др.) с полным правом можно назвать доминирующим способом обозначения принадлежности высшему сакральному образу. Нами зафиксировано более двадцати случаев его употребления, в то время как конструкций с зависимым однокоренным генитивом только две. Сочетания с прилагательным *божии* (слово *бжѣле* (4: 91), *божіимъ сїанѣмъ* (6: 196 об.) и др.) также превалируют по сравнению с генитивом, который в двух из трех случаев

выступает с именем собственным, образуя устойчивую номинацию – *славъ Христа бога* (1: 52 об.), *вбещникъ Христа бога* (6: 192), *в домъ бога* (6: 188 об.). В свою очередь, отсутствуют притяжательные прилагательные, образованные от имен собственных канонизированных святых (*Ольга, Алекси*), что делает генитив единственной формой выражения принадлежности в таких случаях.

Единичны примеры употребления одинаковых или синонимичных стержневых слов с разными морфологически оформленными зависимыми компонентами: *силою <...> троицы* (6: 286 об.), *силою сѣго дѣха* (4: 88) – *силою г҃нѣю* (3: 70), *в домъ бога* (6: 188 об.) – *вбителице вѣр(од)ичне* (6: 289). Эквивалентных конструкций с одним и тем же главным словом и однокоренным зависимым компонентом – генитивом имени или притяжательным прилагательным – в текстах не зафиксировано.

Дательный падеж в исследуемом материале входит в состав примеров, в которых основное значение принадлежности осложнено оттенком предназначения: *прѣателище <...> бѣгу* (4: 89), *рай <...> адамоу* (4: 93), *притѣкающимъ пристанище* (3: 67 об.). Также встречается дательный падеж, маркирующий разного рода отношения (значение, которое прибавляется к значению принадлежности [14: 199]): *вѣрънымъ црѣ* (3: 70 об.), *кн҃емъ рустимъ верховынаго* (3: 67 об.). Подобный оттенок, как было сказано выше, характерен и для родительного принадлежности. Более того, в одном случае наблюдается одинаковое лексическое выражение зависимой словоформы, ср.: *вѣрныхъ кн҃ѣ* (3: 71).

Особенностью последней, самой многочисленной группы сочетаний является то, что конструкции развивают переносные метафорические значения. Описывая похожие конструкции в старославянском языке (*на прѣстолѣ славы, лозѣ пагоубы*), В. Вечерка выделяет родительный «в образных оборотах» и определяет значение такого генитива, как «родительный объяснительный» [3: 192]. Родительный в данном случае определен нами как **метафорический**, хотя и следует признать некоторую условность этого обозначения, учитывая метафорику в отдельных ранее зафиксированных сочетаниях (ср., например, конструкции с родительным объекта *омрачение дѣха, въселеныя наслажденіе*). Однако грамматические свойства компонентов, семантические отношения между ними не позволяют отнести данные сочетания к выделенным ранее группам. В силу большого числа конструкций (57 единиц) и лексико-семантического разнообразия в выражении компонентов, эта группа может в дальнейшем стать предме-

том более подробного изучения. Здесь мы ограничиваемся фиксацией отдельных примеров и некоторыми наблюдениями.

Существительные в составе словосочетаний называют разнообразные предметы, явления: *источникъ <...> кропе* (4: 88), *мракъ дѣха* (2: 15 об.), *тѣмы злато* (4: 93) и т. д. Показательными являются сочетания, соединяющие в себе конкретное и абстрактное существительные: *свѣтла съсудъ* (5: 104 об.), *на прѣстолѣ славы* (2: 10), *адаманта правды* (6: 181). Высокая частота таких словосочетаний уже отмечалась исследователями в отношении других древнерусских литературных памятников [2: 50]. Достаточно обширная группа словосочетаний включает в себя только абстрактные существительные со значением отвлеченного действия, состояния, признака, качества: *горести грѣха* (4: 89), *свѣтльмъ добродѣтели* (5: 72 об.), *властию <...> сластолюбия* (5: 103), *чюдесъ блг(од)ть* (6: 194 об.) и др.

Полностью или частично лексически сходные сочетания обнаруживаются в песнопениях Алексию: *подобие (подобіе) вѣбраза* (6: 198, 200 об.), в службе княгине Ольге: *ѡ тѣмы не разумиа* (4: 88), *неразвѣта вѣтмѣ* (4: 91). И, напротив, сочетание *чюдесъ дарь* (6: 182, 292) используется в разных песнопениях, посвященных Сергию Радонежскому и Алексию.

Метафорические сочетания с генитивом и субстантивно-атрибутивные сочетания в редких случаях характеризуются тождественным лексико-семантическим составом: *ризою нетылѣнїа* (6: 293) – *нетылѣнъною ризоу* (5: 106), *даръ блгодати* (6: 182 об.) – *да(р) блгодатныи* (6: 181 об.). В этих примерах однокоренные существительное и прилагательное выступают в качестве зависимого компонента при одном и том же главном. Подобного лексического пересечения не наблюдается среди субстантивных сочетаний с другими зависимыми падежами, хотя метафорический характер свойствен и таким отдельным конструкциям (ср. пример с зависимым дательным падежом: *чадо свѣту явисла* (4: 91)).

ВЫВОДЫ

В качестве обобщения отметим, что родительный присубстантивный выступает с целым спектром значений, выявление которых происходит с опорой на контекст и на особенности лексико-семантического выражения компонентов. Количество сочетаний в каждой группе представлено неравномерно. Сочетания с полностью или частично повторяющимся лексическим составом обнаруживаются в текстах разной хронологической приуроченности и подчеркивают важность

и постоянство отдельных фактов, событий, явлений в жизни православного сообщества.

Функциональная близость обнаруживается между сочетаниями с генитивом и другими сочетаниями: с приименными зависимыми падежами и с приименным зависимым прилагательным. Такая соотнесенность отражена в бинарных соотношениях (сочетания с зависимым генитивом – с зависимым падежом существительного; с зависимым генитивом – с зависимым прилагательным) или тренарных (сочетания с зависимым генитивом – с зависимым падежом существительного – с зависимым прилагательным). Еще большее сближение и пересечение синтаксических образований можно отметить в случаях

использования синонимичной лексики или одинаковых слов при оформлении присубстантивного падежа (*върънымъ цръ – върныхъ кнѣ*). В то же время лексико-семантический анализ компонентов свидетельствует о том, что присубстантивный родительный занимает свое определенное место в выражении того или иного значения (например, в реализации значения принадлежности канонизированному святому или при обозначении совокупного множества лиц).

Разные с точки зрения времени создания тексты свидетельствуют о том, что сочетания с родительным падежом являются стабильным и ведущим элементом в поле субстантивно-падежных образований гимнографического текста.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Борковский В. И. Синтаксис древнерусских грамот: (простое предложение). Львов, 1949. С. 351–361.

² Попруженко М. Г. Заметки о языке новгородской служебной Минеи 1095 г. // Филологические записки. Вып. III–IV. СПб., 1889. С. 1–34.

³ Обнорский С. П. Исследование о языке Минеи за ноябрь 1097 года // Известия ОРЯС. 1924. Т. 29. С. 167–226.

⁴ Указания на использованные источники даются в круглых скобках после примера. Первая цифра обозначает номер источника (список см. ниже), после двоеточия – номер листа (страницы).

1 – Благовещенский кондакарь. XI–XII в.в. (Q. п. I.32, л. 52–53 об.).

2 – Минея на май. 1463 г. (Соф. 205, л. 7–20).

3 – Минея праздничная. XIII–XIV в. (Соф. 382, л. 67–71 об.).

4 – Никольский Н. К. Материалы для истории древнерусской духовной письменности // Сборник ОРЯС. СПб., 1907. Т. 82. № 4. С. 88–94.

5 – Стихиарий праздничный на крюках. 1156–1163 гг Новгород (Соф. 384, л. 72–74 об., 99 об.–107).

6 – Трефолой (Сборник служб преимущественно русским святым). 50-е – 60-е годы XVI в. (Пог. 434. л. 181–203, 283–291).

⁵ Графическое оформление цитируемого материала упрощено, выносные буквы располагаются в скобках внутри слова, подтилевые сокращения не раскрываются.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В е р е щ а г и н Е. М. Наблюдения над языком и текстом архаичного источника – Ильиной книги // Вопросы языкоznания. 1999. № 2. С. 3–26.
2. Г о р щ к о в А. И. История русского литературного языка. М.: Высшая школа, 1969. 366 с.
3. Исследования по синтаксису старославянского языка. Прага, 1963. 378 с.
4. Л о м т е в Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. 596 с.
5. М а р к о в В. М. К истории редуцированных гласных в русском языке. Казань, 1964. 279 с.
6. М о л о ш н а я Т. Н. Субстантивные словосочетания в славянских языках: На материале рус., польск., чеш., болг. и серб.-хорв. яз. М.: Наука, 1975. 237 с.
7. М о с к а л е в а Л. А. Способы семантико-синтаксической классификации конструкций с приименными дательным и родительным падежами в славянских Евангелиях XI века // Филология и культура. 2012. № 2 (28). С. 182–185.
8. Н е ч у н а е в а Н. А. Некоторые особенности русских списков Минеи // Функциональные и семантические проблемы описания русского языка: Труды по русской и славянской филологии. Тарту, 1990. С. 131–138.
9. Н е ч у н а е в а Н. А. Эволюция употребления бесприставочной и приставочной лексики в древнерусском языке по спискам Майской минеи XI–XIV вв. // Эволюция и предыстория русского языкового строя. Горький, 1985. С. 77–85.
10. О г о р о д н и к о в а Л. А. Приименные и прилагольные конструкции родительного падежа в произведениях писателей и публицистов второй половины XVIII в. // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 369. С. 33–37.
11. Р о ж к о в а А. В. Значения дательного падежа в ранней древнерусской гимнографии // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. 2020. № 9 (152). С. 92–97.
12. Р о ж к о в а А. В. Синтаксические структуры русской гимнографии: Жанровая семантика и прагматика. Саарбрюккен: LAMBERT Academic Publishing, 2012. 220 с.
13. Русская грамматика: В 2 т. Т. 2. Синтаксис. М.: Наука, 1980. 709 с.
14. Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков: члены предложения. М.: Наука, 1968. 296 с.

15. Стеценко А. Н. Исторический синтаксис русского языка. М., 1972. 360 с.
16. Ходова К. И. Система падежей старославянского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 160 с.
17. Якобсон Р. О. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. 455 с.

Поступила в редакцию 16.06.2020; принята к публикации 08.02.2021

Original article

Anfisa V. Rozhкова, Cand. Sc. (Philology), Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-3778-502X; rozhкова@mail.ru

SUBSTANTIVE PHRASES WITH THE GENITIVE CASE IN OLD RUSSIAN HYMNOGRAPHY

Abstract. The study is based on the original poetic and liturgical texts created between the XI and the XV centuries. The research novelty lies in the fact that it investigates for the first time the word combinations with the genitive case functioning in the Old Russian hymnographic texts. The article analyzes the constructions formed using the model “noun + noun in the genitive case”. Observations show that this type of word combinations is the most frequent one among the combinations with subordinate adnominal cases. The purpose of the study is to determine the meanings of the genitive case through lexical and semantic analysis of the components of the word combinations, as well as to establish correlated grammatical constructions with other case forms and adjectives. The analysis revealed eight specific meanings of the genitive case. In quantitative terms, the groups of word combinations are represented unevenly, with combinations in which the meaning of the genitive case is defined as metaphorical being the prevailing group. Within each semantic domain, there is a different ratio of parallel grammatical constructions. Along with the substantive-adjacent genitive case, there are combinations with the adnominal dative case or with a dependent adjective. Other semantic zones include three correlated constructs. In some cases, combinations with the dative and local cases are used in parallel with the genitive case (for example, when expressing the object meaning), while in other cases a number of correlated constructions form combinations with the dative case or a dependent adjective. It is concluded that there are such semantic areas, where the substantive-adjacent genitive case serves as the only means of expressing the meaning.

Keywords: hymnography, historical syntax, word combinations, subordination, genitive case

For citation: Rozhкова, А. В. Substantive phrases with the genitive case in Old Russian hymnography. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(3):48–54. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.600

REFERENCES

1. Vereshchagin, E. M. Observations on the language and the text of an archaic source – *Ilya's Book. Topics in the Study of Language*. 1999;2:3–26. (In Russ.)
2. Gorshkov, A. I. History of the Russian literary language. Moscow, 1969. 366 p. (In Russ.)
3. Research on the syntax of the old Slavonic language. Prague, 1963. 378 p. (In Russ.)
4. Lomtev, T. P. Essays on the historical syntax of the Russian language. Moscow, 1956. 596 p. (In Russ.)
5. Markov, V. M. The history of reduced vowels in the Russian language. Kazan, 1964. 279 p. (In Russ.)
6. Moloshnaya, T. N. Substantive word combination in Slavic languages: Russian, Polish, Czech, Bulgarian and Serbo-Croatian languages. Moscow, 1975. 237 p. (In Russ.)
7. Moskaleva, L. A. Ways of classifying grammatical constructions with dative and genitive cases in Orthodox Gospels of XI century. *Philology and Culture*. 2012;2(28):182–185. (In Russ.)
8. Nechunaeva, N. A. Some features of the Russian copies of the Menaion. *Functional and semantic problems of the descriptive studies of the Russian language: Articles on Russian and Slavic philology*. Tartu, 1990. P. 131–138. (In Russ.)
9. Nechunaeva, N. A. Evolution of the use of non-prefixed and prefixed vocabulary in the Old Russian language according to the copies of the May Menaion of the XI–XIV centuries. *Evolution and prehistory of the Russian language system*. Gorky, 1985. P. 77–85. (In Russ.)
10. Ogorodnikova, L. A. Adnominal and verbal constructions in works of writers and publicists of the second half of 18 century. *Tomsk State University Journal*. 2013;369:33–37. (In Russ.)
11. Rozhкова, A. V. Meanings of the dative case in the early Old Russian hymnography. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University. Philological Sciences*. 2020;9(152):92–97. (In Russ.)
12. Rozhкова, A. V. Syntactic structures of Russian hymnography: Genre semantics and pragmatics. Saarbrücken, 2012. 220 p. (In Russ.)
13. Russian grammar: In 2 vols. Vol. 2. Syntax. Moscow, 1980. 709 p. (In Russ.)
14. Comparative historical syntax of East Slavic languages: parts of sentences. Moscow, 1968. 296 p. (In Russ.)
15. Stetsenko, A. N. Historical syntax of the Russian language. Moscow, 1972. 360 p. (In Russ.)
16. Hodova, K. I. The system of cases of the Old Slavonic language. Moscow, 1963. 160 p. (In Russ.)
17. Jakobson, R. O. Selected works. Moscow, 1985. 455 p. (In Russ.)

Received: 16 June, 2020; accepted: 8 February, 2021